

УДК 821.161.1

ДЕКОНСТРУКЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА В ТВОРЧЕСТВЕ Н. С. ЛЕСКОВА

© Андреа Цинк

DECONSTRUCTION OF NATIONAL DISCOURSE IN N. S. LESKOV'S OUEVRE

Andrea Zink

The article studies the problem of representation of national discourse in Russian literature. The research is based on the works of N. S. Leskov who is known as a connoisseur of Russian life. The study proves that the author of the famous "Levsha" ("The Lefty") translates the existing national stereotypes by pulling a foreign component into the zone of Russian national consciousness and subjects them to deconstruction. To form an idea of Russian national identity the writer correlates national and economic discourse. N. S. Leskov's stories "The Lefty" and "The Iron Will" can serve as an example, illustrating such a correlation of national and economic discourse. Their narrative basis is structured by the motif of rivalry, which, in its turn, acts as a means of solving the opposition "friend or foe". One of Leskov's lines of argument supporting his narrative strategies is the revitalization of the craft themes. In the article, the subject of our analysis is the image of the "unreliable" narrator found in the works of the writer. While analyzing the story "The Iron Will", we prove that the deconstruction of national discourse in the works of N. S. Leskov is combined with a serial debunking of national stereotypes and the construction of national daily life.

Keywords: Russian literature, N. S. Leskov, "The Iron Will", representation of national discourse, Russian national character, national stereotypes.

Статья посвящена проблеме репрезентации национального дискурса в русской литературе. Материалом исследования выступает творчество писателя Николая Семеновича Лескова, снискавшего славу знатока русской жизни. В работе доказывается, что автор знаменитой «Левши», втягивая инациональный компонент в зону русского национального сознания, не просто транслирует сложившиеся национальные стереотипы, но и подвергает их деконструкции. Для писателя при формировании представления о русской национальной идентичности становится актуальным соотношение национального и экономического дискурсов. Произведениями, иллюстрирующими подобное соотношение национального и экономического дискурсов, могут служить повести Н. С. Лескова «Левша» и «Железная воля», событийную основу которых структурирует мотив соперничества, выступающий, в свою очередь, способом разрешения оппозиции «свой – чужой». Одним из вариантов аргументации нарративной стратегии у Н. С. Лескова становится активизация ремесленной тематики. Предметом анализа в статье становится образ «ненадежного» рассказчика в произведениях писателя. В ходе анализа повести «Железная воля» доказано, что деконструкция национального дискурса в творчестве Н. С. Лескова связывается с последовательным развенчанием национальных стереотипов и конструированием национальной повседневности.

Ключевые слова: русская литература, Н. С. Лесков, «Железная воля», репрезентация национального дискурса, русский национальный характер, национальные стереотипы.

Репрезентация национального дискурса определяет всю русскую литературу Нового времени. Одной из ярких иллюстраций данного процесса является творчество Н. С. Лескова. Как отмечает З. Р. Саитова, «проблема национального характера в прозе Лескова была одной из основных, именно она во многом определила творческую самобытность писателя, закрепив за ним звание знатока народной русской жизни и та-

лантливого ее создателя. Для Лескова творческое освоение этой проблемы представляет собой, прежде всего, решение вопроса национального самосознания, познание русского характера, поиск нравственных ориентиров и постижение духовного потенциала народа» [Саитова, с. 150].

Однако правомерным представляется утверждение многовекторного развития национального дискурса в творчестве Н. С. Лескова. Одним

из основных элементов национоконструирования в русской культуре, начиная с XVIII века, становится вычленение системы репрезентативных наций, в соотношении с которыми выстраивается представление о русской национальной идентичности. Н. С. Лесков, втягивая инациональный компонент в зону русского национального сознания, не просто транслирует сложившиеся национальные стереотипы, но и подвергает их деконструкции.

При этом, в отличие от сложившейся в середине XIX века традиции взаимодействия национального и социоисторического дискурсов, для писателя более актуальным становится соотношение национального и экономического дискурсов. Последний выступает как в качестве одного из агентов социоисторического конструирования, так и мотивирует нарративную специфику. Вальтер Беньямин, рассматривая на примере творчества Н. С. Лескова проблему угасания искусства сказывания, результатом которого становится утрата способности обмениваться опытом, отмечает, что в средние века два типа повествования (путешественника и хранителя традиций) были «слиты воедино благодаря ремесленному производству, когда живущий постоянно мастер и путешествующие подмастерья совместно выполняли ту или иную работу. Если крестьяне и моряки всегда были мастерами сказывания, то ремесленный класс был университетом рассказчиков» [Окунева]. Соответственно активизация ремесленной тематики в лесковских текстах служит одним из вариантов аргументации нарративной стратегии: «Превосходный ремесленник стоит в центре созданного богом мира, не только потому, что именно в ремесленной среде рождается и существует искусство повествования, но и потому, что такое искусство „само по себе имеет ремесленный характер, чуждый промышленной технологии и экономическому прогрессу“» [Жери].

Ярким примером подобного соотношения национального и экономического дискурсов могут служить произведения Н. С. Лескова «Железная воля», «Левша», событийную основу которых структурирует мотив соперничества, выступающий, в свою очередь, способом разрешения оппозиции «свой – чужой».

В повести «Железная воля» Н. С. Лесков обращается к одному из самых устойчивых своих сюжетных инвариантов. По словам А. К. Жолковского, «посрамление упряма, требующего, чтобы окружающие и сама жизнь подчинились его доктринерским воззрениям – религиозным, идеологическим, моральным или эстетическим, – излюбленный сюжет Лескова» [Жолковский].

Однако, как отмечает исследователь, общелесковский вариант локализуется с помощью «особого угла зрения», функцию которого выполняется здесь мотив соперничества русских и немцев.

При этом своеобразии нарративной стратегии Н. С. Лескова позволяет говорить о смысловой неоднозначности конструируемого национально-дискурса. Как известно, повесть, вышедшая в 1876 году, была опубликована Андреем Лесковым в журнале «Звезда» в 1942 году. В этом случае на первый план выходит антинемецкая и одновременно прорусская направленность произведения. Тем не менее некоторые, пусть и небольшие, изменения в тексте «Железной воли» были сделаны. Последнее предложение, в котором рассказчик Вочнев высказывает свое сожаление по поводу смерти инженера Пекторалиса, было вычеркнуто. Также и гулянье русского героя Сафроньча, простого и ленивого чугуноплавильщика, не нашло места в издании 1942 года. Подобная цензура исторически мотивирована, но вместе с тем не отвечает авторской идеологии.

О. Майорова, называя Н. С. Лескова «любителем нарративных провокаций», отмечает, что «он часто подрывал идеологические стереотипы, к которым, казалось бы, всерьез апеллировал, – и тем самым размывал границы между прямым и опосредованным словом, между утверждением и сарказмом. <...> В самом деле, вчитывая в произведения Лескова отточенную программу, затемнять их игровую природу или сводить их к политической идеологии контрпродуктивно» [Майорова]. Как следствие этого, первоначальная попытка интерпретации произведения Н. С. Лескова, не вполне адекватна авторскому замыслу, реконструкция которого обеспечивается именно активизацией экономического дискурса. Реализацией «нарративной провокации» в данном случае, как это часто бывает в лесковских текстах, становится фигура рассказчика. А. К. Жолковский говорил о том, что повествовательные стратегии Н. С. Лескова, в особенности «комплекс ненадежности» его рассказчика, коррелируют с уклончивой позицией самого писателя [Жолковский].

Вочнев достаточно ярко иллюстрирует тезис о «ненадежном» рассказчике, это касается как обсуждения темы военных успехов Пруссии в немецко-французской войне, обсуждавшейся с разных точек зрения в то время в русской прессе¹, так и самой истории Гуго Пекторалиса. В на-

¹ Ср.: ст. О Майоровой «Die Schlüsselrolle der „deutschen Frage“ in der russischen patriotischen Presse der 1860er Jahre» [Majorova].

чале повести Вочнев обещает рассказать *короткую* историю, вместо этого нам преподносится весьма длинное повествование, характеризующееся к тому же избирательной подачей информации. Этому способствуют многочисленные умолчания: рассказчик «перескакивает» через интриги, отдельные герои бесследно исчезают из его повествования, мотивы и побуждения возникают на ровном месте. Все это касается в первую очередь центрального конфликта между выходцем из Мекленбурга, немецким инженером Пекторалисом, и его русским конкурентом, чугуноплавильщиком Сафронычем. Именно «комплекс ненадежности» Вочнева обеспечивает расширение и углубление национального дискурса рассказа.

«Железная воля», как и «Левша», обнаруживает несколько вариантов обыгрывания мотива соперничества. По свидетельству И. Н. Минеевой, в «Левше» «Лесков иронически обыгрывает эту ситуацию трижды. Первое состязание / испытание происходит в Англии, когда подданные этой страны пытаются хитростью „пленить“ „государя Александра Павловича“ „чужестранностью“, показывая ему „разные удивления“ и „природы совершенства“. Оно оканчивается победой англичан. <...> Второе состязание / испытание снова происходит в Англии, когда Левша привозит на „удивление“ подкованную на подковы блоху. На этот раз англичане признают победу русских мастеров. Между тем в дальнейшем Лесков не развивает ни одну из этих сюжетных линий и не дает возможности почувствовать себя победителями ни русским, ни англичанам. С целью нейтрализовать культурный конфликт писатель вводит третье состязание / испытание. Оно происходит между Левшой и английским „полшкипером“ в бражничестве на корабле во время возвращения в Россию. В третьем состязании они шли на равных, и никто из них не выиграл пари. <...> Грань между „своим“ и „чужим“ временно стирается в ситуации „беды“, „беспомощности“, когда больному Левше все, за исключением „полшкипера“, отказываются помочь. Англичанин – единственный, кто пытается позаботиться о нем» [Минеева, с. 72–73].

В «Железной воле» мотив соперничества активизируется дважды: в первый раз мотив соперничества приобретает экономический ракурс и связывается с противостоянием Гуго Пекторалиса и Сафроныча, в другой раз мотив соперничества обытовляется, он появляется в эпизоде поминок Сафроныча, когда Петрокалис соревнуется с русским священником в поедании блинов и умирает от объедания.

Принципиальным является многоаккурность проявления мотива соперничества как в «Левше», так и «Железной воле». Экономический ракурс демонстрирует наиболее парадоксальный вариант разрешения мотива соперничества. Конфликт Пекторалиса и Сафроныча вырастает из стремления немца открыть небольшую фабрику, территория которой затрагивает чугуноплавильню Сафроныча. Как сообщает рассказчик, у Пекторалиса был план, с помощью которого он хотел сподвигнуть Сафроныча к переезду, но этот план никак не озвучивается в продолжение всей повести. Агрессивное (и временное) «решение» конфликта – Пекторалис буквально запирает Сафроныча в его доме, забаррикадив двери снаружи, – возникает спонтанно из-за чувства мести.

Подобным же недалевидным и эмоциональным образом реагирует и Сафроныч, он подает жалобу на Пекторалиса из-за истории с забаррикадированным домом. Решение суда парадоксально: Пекторалис добился от суда разрешения сохранить забор, которым он огородил двор Василия Сафроныча, лишив врага выхода на улицу. Однако выплата ежемесячной компенсации за несостоявшиеся сделки приводит Пекторалиса к постепенному разорению, а Сафроныча к смерти (герой спивается и умирает).

При этом сама история судебного процесса в рассказе Вочнева опущена, как признается сам рассказчик:

Для меня есть что-то столь неприятное в описании судов <...>, что я не стану вам изображать в <...> подробностях, как и что тут деялось <...> [Лесков, 1957, с. 59].

Умолчание в этом случае лишь подчеркивает парадоксальность судебного решения, сводящего культурное пространство России к национальной стереотипизации. Образ Сафроныча становится иллюстрацией такого стереотипа, как *русская лень*, приобретающего не ментальное обоснование, а возникающего как следствие государственно-чиновничьей обусловленности. В этом смысле «Железная воля» перекликается с повестью «Левша», где герой, находясь в русском пространстве, приобретает черты «Другого». Однако если в повести «писатель в духе разрушительной иронии активизировал, вывернул наизнанку и продемонстрировал несостоятельность искусственно созданного в XIX веке государственными „мужами“ культурного мифа об отношении к простому русскому человеку как к некоему „Другому“, „чужеземцу“» [Минеева, с. 73], то в «Железной воле» мы наблюдаем процесс утверждения «„официально“ созданного в

России мифа, лишившего простого русского человека персональной и национальной истории» [Там же].

Иначе складывается ситуация с образом Гуго Пекторалиса: удвоение мотива соперничества в отличие от «Левши» ведет не к преодолению ментальных барьеров, а к проблеме взаимодействия «Другого» с «чужим» ментальным пространством. Противопоставление двух национальных космосов, заявленное еще в эпиграфе – «Ржа железо точит», позднее конкретизируется словами Вочнева:

<...> железные они, так и железные, а мы тесто простое, мягкое, сырое, непропеченное тесто, – ну, а вы бы вспомнили, что и тесто в массе топором не разрubiшь, а, пожалуй, еще и топор там потеряешь [Лесков, 1981, с. 361].

Г. Гачев дает следующую характеристику этой национальной символике: «Что есть железо? Это стихия „земли“, проведенная через стихию „огня“ – в индустрии – промышленности, через труд – ургию и приобретая форму. Так что „железо“ = „огне – земля“, основная субстанция Германского Космо-Психо-Логоса, если ее материальный пласт выразить на языке стихии... А что есть „ржа“? Это плод сырости, мать-сыра земля, что есть субстанция Русского космоса. Такова судьба германского железа, когда попадает в тело России – бабье, женское, рыхлое, аморфное, как тесто... А что есть тесто кроме того, что тоже ипостась „сырой земли“, „водо-земли“ – русского типа вещества? Оно аморфность расплывающаяся, как и страна Россия – бесконечный простор, по идее и затее, без границ, и расплывается вширь, пока ей не положат предел – извне или сами... Тесто = топь. И сходная с водой, морем, где волны покрывают все формы и тверди, вроде железа» [Гачев, с. 70].

Традиционно, интерпретируя данное произведение, исследователи акцентируют внимание на мотиве соперничества как завоевания русского ментального пространства, завершающегося крахом героя. Л. А. Аннинский, комментируя произведение Н. С. Лескова, отмечает, что повесть представляет собой «попытку испытать жизнь чистым теоретическим разумом и голым законом <...> До абсурда, до глупости, до геркулесовых столпов доводит Гуго Карлович всякую неточность, всякую непоследовательность, всякий допуск и люфт... а на эти люфтах, на допусках, да на „душе“ и держится все вокруг. Отсюда непрерывная взаимопровокация. Он игнорирует привходящие обстоятельства. А у нас все на обстоятельствах. У него все точно. А у Ерофеича да Сафроныча все неточно. А у него твердая во-

ля, а у Ерофеича с Сафронычем стало быть, мягкое безволие. Так безволием же они его возьмут!» [Аннинский, с. 219].

Эту же мысль развивает З. Р. Саитова: «В такой расстановке сил заключаются и ментальные особенности двух народов, а точнее, форм восприятия ими жизни. Окружающая действительность воспринимается главным героем как упорядоченное пространство, состоящее из взаимообусловленных событий, фактов и явлений, следовательно, требующее точных и четких действий, логичных поступков. У русских иначе. Для них мир не столь категоричен и строен, почти всегда в нем есть ощущение некоей неведомой случайности, способной расстроить все замыслы и планы. Поэтому русский человек живет и действует с оглядкой на „авось“ в ожидании непредвиденных условий, случайности, поэтому значимость плана и точность поступков снижается, а на первое место выходит чуткость, терпеливость, изворотливость. Можно сказать, что восприятие жизни обуславливает саму жизнь. Таким образом, в повести заложена философская мысль художника: если русскими жизнь воспринимается как череда случайностей, то она и будет для них таковой, непредсказуемой, у немцев жизнь – это логически построенное пространство, следовательно, она у них упорядочена. Но самое интересное заключается в том, что когда немец попадает в русское пространство, то его жизнь тоже становится непредсказуемой. А немецкий инженер настойчиво пытается привнести в нее свой рационализм; это его большая ошибка, вот поэтому и мучается Гуго Карлович в России» [Саитова, с. 107–108].

Вместе с тем в повести вполне очевиден мотив страданий одинокого сердца. Эпиграф отсылает не только к сборнику русских поговорок, но и к тексту Овидия. «*Roditur ut scabra positum rubigine ferrum, ... sic mea perpetuos curarum pectora morsus*» – so lauten die entsprechenden Verse in seinen *Epistulae ex ponto* [Ovid] – так звучит соответствующий стих из его «Писем с Понта». Овидий сравнивает эффект, производимый ржавчиной на железо, с жизнью на нелюбимой чужбине и со страданием своего сердца (лат. *rectus*). Если же вспомнить (крайне необычную) фамилию немецкого инженера – Пекторалис (от лат. *pectorale* ‘касающееся груди, относящееся к груди’) – и его ситуацию в чужой стране, то явление данного мотива совершенно очевидно. Даже Вочнев, случайно видевший его похороны, комментирует его смерть с сочувствием:

Тем Гуго Карлыч и кончил, <...> что, впрочем, для меня, который помнил его в иную пору его больших надежд, было даже грустно [Лесков, 1957, с. 87].

При этом удвоение мотива соперничества обуславливает появление трагифарсового характера эскалации конфликта «свой – чужой», отсутствие победителей в этом «состязании» становится основанием для авторской демонстрации несостоятельности национальных стереотипов.

Таким образом, деконструкция национально-го дискурса в творчестве Н. С. Лескова связывается с последовательным развенчанием национальных стереотипов и конструированием национальной повседневности.

Список литературы

Аннинский Л. А. Лесковское ожерелье. 2-е изд., доп. М.: Книга, 1986. 304 с.

Гачев Г. Д. Германский мир и ум глазами русского // Вопросы литературы. 1997. № 6. С. 66–85.

Жери К. Лесковский сказ в понимании Вальтера Беньямина. URL: <https://hal-inalco.archives-ouvertes.fr/hal-01280026/document> (дата обращения: 01.11.2017).

Жолковский А. К. Маленький метатекстуальный шедевр Лескова // НЛЮ. 2008. № 93. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/93/zh9.html>. (дата обращения: 01.11.2017).

Лесков Н. С. Повести и рассказы. М.: Правда, 1981. 576 с.

Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1957. С. 5–87.

Майорова О. Маркеры русскости в имперском пространстве: парадоксы рассказа Н. С. Лескова «На краю света» // НЛЮ. 2017. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2017/2/markery-russkosti-v-imperskom-prostranstve.html>. (дата обращения: 01.11.2017).

Минева И. Н. Эффект левизны, или отношения Н. С. Лескова с Англией // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. 2017. № 7. С. 70–75.

Окунева И. Телесность в «Очарованном страннике» Николая Лескова // НЛЮ. 2004. № 69. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/69/ok3-pr.html>. (дата обращения: 01.11.2017).

Сайтова З. Р. Проблема национального характера в прозе Н. С. Лескова: дис. ... канд. филол. наук. Бирск, 2007. 177 с.

Majorova O. Die Schlüsselrolle der „deutschen Frage“ in der russischen patriotischen Presse der 1860er Jahre. В: Dagmar Herrmann (ed.), Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 19./20. Jahrhundert: von den Reformen Alexanders II. bis zum Ersten Weltkrieg. München: Wilhelm Fink, 1988, S. 81–101.

Ovid (Publius Ovidius Naso). Briefe aus der Verbannung. Tristia. Epistulae ex ponto. München, Zürich: Artemis, 1990. S. 298 (I. 1. 71–73).

References

Anninskii, L. A. (1986). *Leskovskoe ozherel'e* [Leskov's Necklace]. 2-e izd., dop. 304 p. Moscow, Kniga. (In Russian)

Gachev, G. D. (1997). *Germaniskii mir i um glazami russkogo* [The German World and Mind through the Eyes of the Russian]. *Voprosy literatury*. No.6, pp. 66–85. (In Russian)

Leskov, N. S. (1981). *Povesti i rasskazy* [Novels and Stories]. 576 p. Moscow, Pravda. (In Russian)

Leskov, N. S. (1957). *Sobranie sochinenii v 11 t.* [Collected Works in 11 Volumes]. T. 6, pp. 5–87. Moscow, Khudozhestvennaia literatura, (In Russian)

Maiorova, O. (2017). *Markery russkosti v imperskom prostranstve: paradoksy rasskaza N. S. Leskova "Na kraiu sveta"* [Markers of Russianness in the Imperial Space: The Paradoxes of N. S. Leskov's Story "At the End of the World"]. *NLO*. No. 2. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2017/2/markery-russkosti-v-imperskom-prostranstve.html>. (accessed: 01.11.2017). (In Russian)

Majorova, O. (1988). *Die Schlüsselrolle der „deutschen Frage“ in der russischen patriotischen Presse der 1860er Jahre* [The Key Role of the "German Issue" in the Russian Patriotic Press of the 1860s]. V: Dagmar Herrmann (ed.), *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 19./20. Jahrhundert: von den Reformen Alexanders II. bis zum Ersten Weltkrieg*. Pp. 81–101. München, Wilhelm Fink. (In German)

Mineeva, I. N. (2017). *Effekt levizny, ili otnosheniia N. S. Leskova s Angliiei* [Leftism Effect or N. S. Leskov's Relationship with Britain]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gos. un-ta.* No. 7, pp. 70–75. (In Russian)

Okuneva, I. (2004). *Telesnost' v "Ocharovannom strannike" Nikolaia Leskova* [Corporeality in "The Enchanted Wanderer" by Nikolai Leskov]. *NLO*. No. 69. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/69/ok3-pr.html> (accessed: 01.11.2017). (In Russian)

Ovid (Publius Ovidius Naso). (1990). *Briefe aus der Verbannung* [Letters from Exile]. Tristia. Epistulae ex ponto. P. 298. (I. 1. 71–73). München, Zürich, Artemis. (In German)

Saitova, Z. R. (2007). *Problema natsional'nogo khaktera v proze N. S. Leskova: dis. ... kand. filol. nauk* [The Issue of National Character in N. S. Leskov's Prose: Ph.D. Thesis]. Birk, 177 p. (In Russian)

Zheri, K. *Leskovskii skaz v ponimanii Val'tera Ben'iamina* [Leskov's Tale in the Understanding of Walter Benjamin]. URL: <https://hal-inalco.archives-ouvertes.fr/hal-01280026/document> (accessed: 01.11.2017). (In Russian)

Zholkovskii, A. K. (2008). *Malen'kii metatekstual'nyi shedevr Leskova* [A Small Meta-Textual Masterpiece by Leskov]. *NLO*. No. 93. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/93/zh9.html> (accessed: 01.11.2017). (In Russian)

The article was submitted on 04.11.2017
Поступила в редакцию 04.11.2017

Цинк Андреа,
директор Института славистики,
Университет Инсбрука,
А-6020, Австрия, Инсбрук,
Иннрайн, 52/4.
andrea.zink@uibk.ac.at

Zinc Andrea,
Director of the Institute of Slavic Studies,
University of Innsbruck,
52/4 Innrain,
Innsbruck, A-6020, Austria.
andrea.zink@uibk.ac.at